

Бабай

Автор:

Борис Левандовский

Бабай

Борис Левандовский

Не имевшим удовольствия прочесть обязательно стоит приобрести нашумевший роман Бориса Левандовского «Бабай» – штука вполне занимательная. Роман, который оказался популярнее самого автора!..

Борис Левандовский

Бабай

Почему-то принято считать, что детские страхи – всего лишь плод безобидной фантазии. Но это – большая ошибка...

В. Левшиц. Детство. Билет в таинственное государство

Страшный бука приходил —

Тоню с Митей утащил.

Он опять придет, лохматый...

Из малоизвестной детской считалочки

Пролог

Мальчику было пятнадцать лет, но его уже успели обвинить в зверском убийстве своей младшей сестры и признать невменяемым. Когда он пытался объяснить всем этим взрослым, что произошло на самом деле, становилось только хуже. Но он не убивал свою сестру, которую очень любил, и не был сумасшедшим. Те, кто мог помочь, ни черта не хотели слушать...

Веронику задушила тварь, которая вылезла из-под его кровати. И которая потом несколько раз пыталась убить во сне его самого.

Его вина была только в том, что он легкомысленно переступил незримую границу. А потом стало поздно... До этого истории о монстрах, таящихся в укромных уголках спален и нападающих по ночам на детей, были его страстью. Казалось, он мог выдумывать их бесконечно. И он – выдумывал, а ужас в глазах Вероники был для него самой вожаделенной похвалой. Пока не явилось чудовище.

В тот злосчастный вечер родителей не было дома.

Все произошло на глазах у мальчика. А он не смог помешать косматой твари, которую сам вызвал силой страха Вероники. Потому что до смерти испугался.

Девочке было пять...

Он взял несколько чистых листов бумаги и простой карандаш. Остаток жизни, скорее всего, он проведет в психиатрической лечебнице. Эти последние два или три часа дома без надзора – щедрый подарок случая. Но времени в обрез, скоро за ним придут. У него сейчас последняя возможность когда-нибудь найти того, кто ему поверит. И даже спасти чью-то жизнь. Может быть, тогда Бог простит его за Веронику. Может быть...

Склонившись над столом, он провел рукой по волосам с отбеленным сединой чубом и начал писать.

Часть 1

Тот, кто стучит по трубам

Лицо опасности, подстерегающей вашего ребенка, может иметь совершенно немислимого обладателя.

Н. Левшиц. Детство. Билет в таинственное государство.

Глава 1

Комната для мальчика

Начало всем этим событиям, занявшим в жизни семьи Левшиц более двух ужасных недель, положил переезд на новую квартиру. Но, если быть точнее, первые признаки вызвало несколько неумышленных ударов отверткой по трубе центрального отопления – Назар постучал, и ему ответили.

Темноволосый мальчик с карими глазами и открытым веснушчатым лицом по имени Назар Левшиц стоял в большой комнате, наполовину заваленной разобранной мебелью и картонными коробками, глядя в окно, где с высоты второго этажа ему открывался незнакомый двор с незнакомой площадкой, на которой играли незнакомые дети. Среди них, наверное, находились и его будущие друзья. Но сейчас он об этом почти не думал; семья переехала из другого района города, хотя и не очень отдаленного от нового места, – просто, когда тебе недавно исполнилось восемь, даже такое совсем небольшое путешествие напоминает эмиграцию в другую страну.

За его спиной громоздились вещи, перевезенные в первую очередь, остальное должно было прибыть вскоре – вторым рейсом большой грузовой машины. И мальчику ничего не оставалось делать, как ожидать одному в новой квартире приезда родителей, целиком поглощенных хлопотами, и скучать. Все это происходило солнечным утром в самой середине августа.

В углу широкого подоконника Назар заметил большую старую отвертку с деревянной отполированной ручкой, должно быть, забытую в суматохе старыми хозяевами. Взвесил в руке и, повернувшись снова к окну, безо всякого умысла постучал массивной рукояткой о чугунное ребро радиатора отопления, расположенного в неглубокой нише под подоконником, который достигал Назару едва ли не до груди. Тунн... тунн-тунн... тунн...

Огромный черный доберман с палкой в зубах выскочил на детскую площадку...

И в этот момент по трубе передалось ответное постукивание – казалось, будто кто-то намеренно поджидал, чтобы ответить. Мальчик вздрогнул и выронил отвертку.

Он простоял в растерянности несколько секунд, но, уже нагибаясь, чтобы поднять отвертку с пола, решил, что, наверное, это ему показалось, потому что в действительности никто не мог так быстро отозваться – всего через одну или пускай даже две секунды. Однако сердце его почему-то забилося еще сильнее, когда он снова посмотрел на ребристый радиатор. Белая масляная краска, которой тот был выкрашен, пожелтела и местами облупилась; кое-где Назар заметил следы в виде темных пятен, какие оставляет расплавленный зимой пластилин. В промежутках между коленами батареей скопилась пыль, местами свисавшая с тонких поперечных планок и мелко трепетавшая от незаметного сквозняка.

Назар медленно поднял отвертку и со странным предчувствием опять постучал по батарее: тунн... тунн... тунн-тунн-туннн...

...Тунн!.. тунн!.. тунн-тунн-туннн-н!.. – тут же принесла труба. Было слышно, что звук, без сомнения, стал значительно громче, чем в первый раз, словно тот, кто подавал эти ответные сигналы (причем в точности повторяя ритм ударов Назара), приблизился.

И снова: тунн... тунн... тунн... тунн-тунн...

.. Тунн!.. тунн!.. тунн!.. тунн-туннн-н!..

«Да кто же это?» – подумал Назар, и ему вдруг стало не по себе.

Затем он предположил, что, возможно, где-нибудь через два или три этажа (или, например, в соседней квартире – почему бы нет?) так же перед окном стоит другой мальчик, который и подает эти ответные сигналы.

Логично.

Но... в том-то все и дело – он почему-то не мог представить себе этого другого мальчика– словно что-то в нем безотчетно, но категорически протестовало против такого допущения.

Пока Назар размышлял над этим, отвертка в его руке нечаянно вывернулась – и тяжелая рукоятка стукнула по радиатору: тунн-н!..

...ТУНН-Н-НН!!! – мгновенный ответ. На этот раз, казалось, источник находится уже совсем близко – едва ли не в соседней комнате. Назар отошел на пару шагов: слева радиатор соединялся тонкой трубой с исчезающим в полу и потолке стояком, а справа—через более широкую трубу– уходил в стену, где должен был сливаться с радиатором другой комнаты (всего комнат в квартире было две) – будущей детской. И похоже, звук приходил именно оттуда, справа. Тогда у Назара впервые мелькнула странная мысль, что в квартире он находится не один.

В этот момент в дверь позвонили, и он подпрыгнул во второй раз.

Однако было бы несправедливо назвать его трусом – дело в том, что размышления об отвечающем ему неизвестном отвлекли внимание Назара от окна, и он не видел, как во двор медленно въехала большая машина с последней партией мебели из старой квартиры. Звонок входной двери застал его врасплох.

По пути в прихожую Назар все же заглянул в меньшую комнату.

Но там, разумеется, никого не оказалось.

* * *

– Ну, куда поставим твою кровать? – положил большую ладонь Назару на плечо отец, крупный и очень высокий мужчина с выразительными чертами скуластого лица, которое лет через пять-шесть начнет особенно повторяться в сыне с удивительной точностью, делая того омоложенной копией Левшица-старшего. – Теперь у тебя есть собственная комната. Давай решай сам.

Все это происходило около девяти часов вечера, когда дело наконец дошло и до детской. Основная часть мебели в большей комнате к тому времени была уже собрана и расставлена с участием одного из грузчиков, задержавшегося помочь Михаилу Левшипу за некоторую дополнительную плату и ушедшего четверть часа назад. Из кухни доносился звон посуды, где Валерия Левшиц обустроивала свое женское хозяйство на новом полигоне кастрюль и сковородок.

Вообще, для Назара этот переезд стал полной неожиданностью. Оказалось, родители уже давно подыскивали подходящий вариант обмена на жилье с большей площадью и умеренной доплатой, так как Назар подрастал и ему пора было выделить отдельную комнату. К тому же в последнее время дела на работе у Михаила Левшица шли неплохо, и ему удалось взять ссуду. Впрочем, переезд был в какой-то степени неожиданным для всех – еще три дня назад никто бы не подумал, что он случится так скоро – как выразился потом Левшиц-старший: «Так сложились обстоятельства».

Конечно, Назар еще не успел примириться с мыслью о том, что ему придется оторваться от всех старых друзей и начать ходить в другую школу. Но все же новая квартира ему понравилась, а главное—у него будет теперь собственная комната.

Он собирался ответить отцу, куда, по его мнению, следует поставить кровать, но в этот момент на кухне вскрикнула Валерия.

Они бросились к ней.

– Таракан... – Смущенно улыбаясь, она продемонстрировала тряпку с раздавленным прусаком; длинные усы еще слабо шевелились. – Такой огромный... бр-р!

Мужчины посмотрели друг на друга – дескать, ну что с нее взять? – и молча удалились в детскую с совершенно одинаковыми ухмылочками.

– Вот сюда. – Назар уверенно указал на левую стену. Детская имела прямоугольную форму и отдельный выход в коридор, одной стеной граничила с кухней, другой – с комнатой родителей. И еще, что особенно восхитило Валерию, в первой половине дня здесь становилось очень солнечно. – А вон там, в угол, справа от окна – письменный стол, – продолжал Назар, пользуясь неслыханной возможностью самолично распорядиться расстановкой мебели. – Тумбочку и книжную полку мож...

– Может, стол лучше поставить прямо перед окном? – спросил Михаил, с улыбкой наблюдая за сыном.

– Нет, туда. – Назар был совсем по-взрослому непреклонен.

– Что ж, хорошо, пусть будет по-твоему, – согласился Левшиц.

Вдвоем они управились быстро, часа за два, и почти со всем. Назар удачно указал месторасположение своей кровати – прямо над ней обнаружили шляпки вбитых в стену гвоздей, которые точь-в-точь подходили к петлям небольшого ковра, что они собирались повесить, – и это сэкономило массу времени.

Детская, похоже, находилась здесь и раньше (хотя Левшиц-старший про себя отметил, что у прежних жильцов, супружеской пары лет сорока, детей он не видел, а те, кажется, упомянули, что вселились сюда сразу после постройки дома). Обустроивались в темпе, но всерьез и надолго – комната выглядела ухоженно и в ближайшее время ремонта не требовала.

Наконец пришла Валерия, чтобы расстелить Назару постель.

– Как тебе на новом месте?

Назар, пожимая плечами, улыбнулся. Но тут впервые с утра ему вспомнился стук по трубе отопления (из этой комнаты?), и улыбка быстро исчезла с его лица.

– Что такое? – Валерия с легким беспокойством нагнулась к кровати сына. – Ну, что случилось? Ты уже скучаешь по своим друзьям? Но ты ведь сможешь им звонить и иногда встречаться по выходным. Правда? Вот видишь...

– Ничего страшного, – вмешался Левшиц, – он просто устал. Здесь целый день и присесть-то толком было негде. Ему ведь только восемь, Лера. Правда, бандит? – Он подмигнул Назару и выпрямился с пола возле письменного стола, закончив подгонять под левые ножки тонкие деревянные бруски, чтобы тот не шатался.

– Черепашка-ниндзя... – хмуро буркнул Назар, но потом, глядя на родителей, все-таки улыбнулся и натянул одеяло до самого подбородка. – Все хорошо, папа.

– Ну, вот и отлично. – Михаил тронул за локоть жену. – Я закончил. Идем, ему пора спать.

Они пожелали Назару спокойной ночи, по очереди поцеловали, но, уже находясь в дверях, Валерия вдруг решила задержаться с сыном еще на несколько минут и присела к нему на край кровати. Стройная, чуть худощавая, светловолосая женщина с приятными чертами лица; ей так же, как и мужу, недавно исполнилось двадцать девять лет. Сейчас на ней был махровый домашний халат темно-бордового цвета и плюшевые тапочки с помпонами.

– Мне показалось, тебя что-то беспокоит... нет? Не понравилась комната? Может, оставить свет? – Она кивнула в сторону настольной лампы. Назар уже года два не просил ее об этом, с тех пор как привык спать за перегородкой на старой квартире. Однако в связи с переездом Валерия подумала...

Назар отрицательно помотал головой, впрочем, как ей показалось, не слишком уверенно, и запустил указательный палец в ноздрю – больше из застарелой детской привычки, чем по срочной необходимости.

– Фу-у!.. – сморщила нос Валерия. – Какой же ты свинтус! И ты еще собираешься пойти во второй класс? В новую школу тебя просто не пустят.

Он засмеялся и спрятал вымазанный палец под одеяло.

– Прошу тебя, хотя бы здесь не устраивай за кроватью склад своих соплей, – уже более строгим тоном сказала Валерия и добавила зловеще: – Иначе однажды оттуда вылезет такой ужасно неприятный зеленый Козявочник и скажет: «У-у!..»

В конце концов она сама рассмеялась и, поправив постель Назара, снова поцеловала его.

– Я тебя люблю. Спокойной ночи!

– Я тебя тоже люблю, мама.

Погасив свет, Валерия вышла и прикрыла дверь детской.

Обычно Назар засыпал в течение нескольких минут после того, как его голова касалась подушки. Но в этот раз, несмотря на трудный день, он долго слушал, как родители перекидываются негромкими фразами, до поздней ночи продолжая раскладывать вещи. На новом месте сон подбирался очень медленно, неохотно, словно где-то задержался, не найдя привычного пути. Затем Назар услышал, что родители тоже собираются наконец отдохнуть.

Он их обоих очень любил и еще не представлял, как сможет без них обходиться, когда вырастет. Неужели тогда он перестанет их любить? Или это будет уже как-то по-другому, по-взрослому? Он знал, что Михаил с Валерией поженились относительно рано – когда им было по двадцать; через год родился он. Назар всегда с какой-то собственнической гордостью думал о том, какие они у него еще молодые – особенно если замечал, что у кого-то из его ровесников родители сорокалетние, а то и старше – по сути, уже глубокие старики.

Наконец, около трех часов ночи, он уснул. После ухода Валерии о странном постукивании по отопительной трубе Назар больше не вспоминал.

До следующего вечера.

* * *

Утром специальный фургон доставил мебель, которую Левшиц заказал в магазине, предлагавшем выгодную рассрочку, – ее тут же установили. Ко второй половине дня, по большому счету, переезд был завершен. Кроме желания семьи скорее покончить с «переездной лихорадкой», некоторая спешка диктовалась еще тем, что с завтрашнего дня заканчивался отпуск у обоих супругов. Зато у Назара еще оставалось в запасе целых две недели летних каникул.

– Ну-с, – в шесть вечера Михаил Левшиц торжественно вышел на середину большей комнаты, окинул взглядом обстановку и помпезно провозгласил: – Вот так живет украинский средний класс!

Валерия, иронически глянув на него, фыркнула.

До этого церемониального момента Назар успел прогуляться вокруг дома, изучая окрестности. В том числе сходил и взглянуть на школу, в которой ему теперь предстояло учиться, – внешне та почти ничем не отличалась от прежней, разве что выглядела чуть-чуть поновее, наверное, потому, что была построена на несколько лет позже. Еще он успел с нейтральной дистанции присмотреться к некоторым ребятам его возраста во дворе дома, но никакой инициативы для знакомства пока не проявил. По правде говоря, ему было довольно неловко пребывать в роли новичка, и для начала он решил не подгонять события, давая всему идти своим чередом.

Михаил Левшиц открыл бутылку шампанского, чтобы отпраздновать новоселье в узком семейном кругу, а Валерия, пригубив фужер, тут же заметила, что стоило бы отметить это событие «по-настоящему», пригласив к себе в ближайшие выходные родителей с обеих сторон и нескольких близких друзей, «иначе те обидятся и будут правы».

Никто, естественно, не возражал.

* * *

После восьми супруги отправились прогуляться по воздуху и, возможно, нанести неожиданный визит давним приятелям семьи, которые, как предполагалось, должны обитать неподалеку. Сперва они собирались идти втроем, но Назар захотел остаться дома. Еще вчера, наблюдая за разборкой вещей, он случайно заметил свой старый фильмоскоп, а затем специально отложил, чтобы заняться им при первой возможности. Честно говоря, Назар уже давно забыл о его существовании. Но вот – с удивлением обнаружил среди коробок и теперь ощущал радостное нетерпение, как перед встречей с вернувшимся из долгого путешествия приятелем. Некоторые вещи обладают способностью появляться как бы из ниоткуда именно во время переездов.

Как только родители ступили за порог, Назар отправился в свою комнату и вытащил фильмоскоп из коробки. Конечно, на первый взгляд фильмоскоп значительно проигрывал таким интересным вещам, как видеомагнитофон или камера, которыми Назару иногда уже позволяли пользоваться. И этому, в общем-то, примитивному устройству для просмотра диафильмов, в увлекательном смысле, уж конечно, было недостижимо далеко до игровой компьютерной приставки, которую подарил отец ему на прошлый день рождения с целой коробкой картриджей в придачу.

Но в фильмоскопе Назар находил нечто особенное, свойственное лишь несложным вещам или механическим игрушкам, в некотором роде даже что-то живое. Потому что фильмоскоп делал то, что оказывалось не под силу самым «крутым» электронным играм, – он был способен изменять реальный мир (и это граничило с настоящим волшебством!): когда обычная стена или потолок превращались в сказочный пейзаж, какой он видел в «Шапке, полной дэвов» или «Аладдине», а иногда вдруг открывал окно в таинственный дремучий лес. При этом кое-что зависело и от него: Назар мог настраивать резкость и регулировать размер кадра.

И, что было еще важнее, фильмоскоп позволял делать собственные картинки. А затем рассматривать их проекцию в увеличенном виде. Года два тому назад Назар «снял» целый десяток коротких «фильмов» по самостоятельно придуманным сюжетам, что даже имело зрительский успех во время демонстраций перед родителями. В качестве материала он использовал несколько засвеченных фотопленок – вытащив фильмоскоп из коробки, он тут же их обнаружил. На месте оказались и четыре иголки разной толщины, чтобы рисовать по покрытой эмульсионным слоем поверхности пленок.

Когда Назар увидел давно забытое «съемочное» хозяйство, ему первым делом пришло на ум изобразить того неизвестного, который вчера отвечал по трубам. Идея его сразу захватила. Он даже собирался было проверить, последует ли ответ сегодня, и начал искать по комнате глазами какой-нибудь подходящий для подачи сигнала предмет... но внезапно передумал, ощутив вдруг странный спазм в животе, будто его несло в сорвавшемся с тросов лифте. «С чего бы это?» – проскользнула у Назара удивленная мысль, но уже в следующую секунду его внимание целиком вернулось к коробке с пленками.

Он разложил на письменном столе все «инструменты» и принялся за работу.

Поначалу выходило неплохо, если считать началом первую неровную черточку, а затем он споткнулся. На том же, на чем и вчера утром, когда стоял перед окном в большой комнате и пытался представить: кто это? И опять это чудное чувство...

Ему снова не удавалось.

Минуту поколебавшись, он просто решил нарисовать что получится.

Заправляя пленку в фильмоскоп, Назар предчувствовал неудачу – на обычный взгляд, картинка «свалилась» к самому краю и казалась слишком загроможденной множеством ненужных линий и исправлений. К тому же рисунок, как всегда, получился чисто графическим: светлое на темном.

Хотя на улице уже стемнело, Назар задернул портьеры на окне и включил фильмоскоп, направив его линзу так, чтобы изображение падало на стену у двери (стена была светло-салатного оттенка, но это не мешало). Затем погасил свет. Однако сразу выяснилось, что он вставил пленку вверх ногами, вернее, допустил распространенную ошибку при зарядке, поскольку не пользовался фильмоскопом уже целый год. Исправив оплошность, Назар отрегулировал резкость на одной из старых картинок (установив размер «экрана» примерно метр на метр) и начал прокручивать кадры. Сегодняшний рисунок находился где-то в середине пленки.

Пока перед Назаром мелькали знакомые, но уже подзабытые художества, он улыбался, вспоминая, сколько хлопот доставляло озвучивание всего этого детского бреда во время «сеансов». О «титрах» тогда не могло быть и речи: во-первых, год назад он еще не умел толком писать, во-вторых, «титры», даже короткие, занимали бы места больше, чем само «кино». В настоящих же диафильмах буквы казались почти микроскопическими – слишком мелкими для его начинающей кинокомпании.

Но сегодня под портретом неизвестного он поместил-таки небольшую надпись: «Кто ты?» Словно ожидал, что неким таинственным образом это поможет найти ответ на загадку вчерашнего стука по трубе. Возможно, будь Назар чуть старше, он удовлетворился бы логичным и убедительным объяснением, что ему ответил другой ребенок, и давно бы выбросил это из головы.

Но присутствие тайны ощущалось слишком явственно и притягивало, как магнит.

Когда искомая картинка вползла в кадр, Назару стало не по себе. Со стены на него смотрело... Не то чтобы он сильно испугался, скорее, понял: рожа на стене – жуткая и уродливая.

Кроме того, что-то еще было не так. Не в порядке.

В «лице» неведомого существа будто смешались черты разных животных: и мохнатого вислоухого пса-дворняги, и взбешенной человекообразной обезьяны (именно взбешенной!), скривившей огромную пасть с уродливо вывернутыми наружу толстенными губищами, за которыми без особого труда угадывался острый частокол зубов. Что-то еще, знакомое, но словно запечатанное в памяти кошмаров, которые иногда снились Назару. У этой морды были маленькие, близко посаженные глаза – невероятно злые, – и Назара передернуло, когда он встретился с ними взглядом.

Он почти целую минуту смотрел на эту картинку, прежде чем произошло нечто, уже вовсе невероятное и даже пугающее. Неожиданно до него дошло, что еще не так.

Надпись:

светилась не светло-оранжевыми или желтыми, как положено, а ярко-малиновыми буквами.

Назар испытал стремительное приближение паники, будто со всех сторон полутемной комнаты к нему подступало что-то вязкое и тошнотворно-ужасное. Потому что так быть не должно, это неправильно! Буквы...

Он потянулся, чтобы выключить фильмоскоп (сначала фильмоскоп и только затем зажечь свет в комнате – несмотря на то, что несколько жутких секунд ему пришлось бы находиться в темноте), но в следующий миг комнату заполнил резкий удушливый запах, словно в детскую по колено вдохнуло пыли. Назар вдруг замер, чувствуя... что между ног у него потекло – отвратительная морда

на стене ожила. Не то чтобы она начала двигаться – она перестала быть только изображением.

Это длилось лишь несколько мгновений, потом пленка стала оплавляться, расплываясь яркой дырой от центра к краям... Но и годы спустя Назар готов был поклясться, что, прежде чем кошмарная морда исчезла, он отчетливо расслышал одно-единственное слово.

«Б'а-б'ай!..» – будто выдохнул пузырь на старом болоте.

Пока Назар отчаянно нащупывал кнопку на столе, лампочка в фильмоскопе с громким хлопком перегорела. Но ему почти сразу удалось включить настольную лампу. Выбегая из комнаты, он заметил: на стене, в том месте, где недавно висела морда чудовища, что-то осталось.

Уже в коридоре он понял, что это пыль, повторявшая контуры исчезнувшего изображения, которая теперь медленно опадала вниз сизыми хлопьями...

Мгновением позже Назар врезался в кого-то большого и закричал.

* * *

– ...И мне трудно поверить, что это все, – сказал Михаил Левшиц, разглядывая сына с озабоченным удивлением. – Ты едва не сшиб меня с ног.

– Господи, – Валерия встревоженно прижала Назара к себе, – ты ужасно меня напугал... не сильно ушибся? Ты так закричал тогда в коридоре...

Назар сконфуженно отстранился от нее:

– Я же сказал, ничего такого. Просто... в фильмоскопе лопнула лампочка. И я... разве не понятно? – упрямо произнес он с плохо скрытой досадой, опуская взгляд. С его лица еще не сошла неестественная бледность, но щеки горели, словно от лихорадки. Или от сильного стыда.

Михаил с Валерией уже не в первый раз обменялись взглядами, однако в конце концов были вынуждены принять такое объяснение. Увидев, что вопросов больше не последует, Назар облегченно вздохнул.

Он пока не успел полностью осознать, что произошло с ним. Но еще тогда – в детской, как только на стене появились малиновые буквы, – им овладело особенное чувство, которое навязчиво брюзжало, что он стал свидетелем чего-то крайне нехорошего, запретного, и видеть это – было очень, очень плохо. Так же, как если бы он, вставая ночью в туалет, случайно подсмотрел, как его мама выходит голый из ванной и идет в их с отцом спальню, цокая по коридору, потому что вместо ног у нее копыта. Именно это чувство и не позволило ему раскрыть рот.

– Ладно, – подытожил наконец Левшиц-старший. – Прибери там, хорошо?

Назар кивнул. А что ему еще оставалось делать?

Возвращаться одному в свою комнату было нелегко, но он понимал, что рано или поздно это все равно придется сделать.

– Странно, это на него не похоже, да? – посмотрела на мужа Валерия за ужином.

– А черт его знает. Хотя, может быть, он говорит и правду. – Но в голосе Левшица прозвучало сомнение. – Может быть.

– А эта реакция... Помнишь, как ты нашел у него в тумбочке те мерзкие фотографии?

Михаил прыснул, едва не подавившись куском отбивной.

– Те, что он притащил с улицы? Еще бы! Собирался сделать ему сюрприз, подложить новые комиксы. А тут... – Он захохотал. – Знаешь, я почувствовал себя таким ослом, когда увидел чуть ли не целую годовую подписку порножурналов...

Валерия же оставалась совершенно серьезной.

– Но ведь даже тогда он не был таким. По-твоему, его действительно так могла напутать стрельнувшая лампочка? Он говорил, словно ему приходится врать.

В этот момент появился Назар, чтобы присоединиться к ним. Выглядел он немного хмуро и оставался по-прежнему неразговорчив, но все же заметно лучше. И Левшицы негласно закрыли эту тему.

Правда, ненадолго.

Глава 2

Новоселье

На самом деле Назар оправился от шока куда быстрее, чем можно было бы ожидать от взрослого. У взрослого случившееся не желало бы уместиться в голове и сводило бы с ума, вступая в конфликт с устоявшимся мировоззрением. Но Назару было только восемь, а в этом возрасте многое кажется возможным. За весь остаток вечера мысль о собственном безумии даже не промелькнула у него – потому что логика детей проста (и кое в чем превосходит взрослую): если что-то происходит, значит, это возможно.

Совсем другое дело – страх. Ложась спать, Назар минуты три колебался, прежде чем все же решил не включать настольную лампу. Он подумал, что родители начнут догадываться... Он и раньше слышал о всевозможных чудищах (правда, никогда от Михаила или Валерии – иногда они выдумывали кого-то вроде Козявочника, но это было смешно, а не страшно), обитающих в комнатах детей под кроватью или в шкафу. Но то был абстрактный страх, навеваемый жуткими историями и темнотой. Теперь же это превратилось в страх знания. И это кое-что круто меняло кое-что важное.

Потому что теперь Назар убедился в существовании монстров. Пускай даже то, что он увидел, было только намеком.

Если он захочет кому-нибудь рассказать, бабаю это может сильно не понравиться (ему ведь все должно быть хорошо слышно из-под кровати, о чем говорится в квартире и, может быть, даже за ее пределами). И монстр вылезет однажды ночью, когда Назар будет спать, чтобы наказать его, например пооткусывать пальцы или сделать с ним что-нибудь еще более ужасное. Приходилось ли ему когда-либо слышать, чтобы какого-нибудь ребенка нашли утром зверски изуродованным, убитым ночью в постели? – напряг память Назар. И никто бы при этом не знал виновников. Но не мог вспомнить. Хотя это, конечно, еще ничего не доказывало. Такие случаи все равно могли происходить и не разглашаться. Взрослыми. Намеренно. Ведь буки, бабаи и прочие должны приходить только к плохим детям. Был ли он плохим? Или они сами решают, кого выбрать – по каким-то своим особым признакам?

А вдруг, сверкнула в голове Назара ошеломляющая мысль, существует тайный сговор между взрослыми и этими монстрами: чудовище нападает на ребенка—и так взрослые узнают... Ведь недаром же его родители хотели, очень хотели, чтобы у него появилась своя комната, и даже торопились с переездом!

Однако, подумав, Назар с отвращением и стыдом отбросил эту мысль – хорошо еще, что Валерия с Михаилом не могли слышать его мысли. Ему все-таки было уже восемь, а не пять, и он скорее допускал, что во всей этой иерархии дети-взрослые-монстры плохими являются именно последние. Разве он сам не имел возможности убедиться в этом, когда видел одного из них на стене? К тому же отец с матерью его любят и... разве они считают его плохим?

Несмотря на то что рисунок был сделан Назаром самостоятельно – хотя внутренне он не стал бы отрицать присутствия некоего наваждения, водившего его рукой, – он несколько не сомневался, что видел – в точности или приблизительно – того, кто ответил ему по трубам отопления. Бабая. Того, Кто Стучит По Трубам. Сталкиваясь с неизведанным, дети больше полагаются на интуицию, чем на разум.

Но вот зачем тот дал знать о себе? И что теперь может последовать дальше? Было ли это игрой случая и на том все закончится? Может, Назар просто сделал что-то не то – например, не следовало пытаться представлять стучавшего? Недаром же возникло то неприятное чувство... Просто не нужно было этого делать и все. Но теперь он знает и даже близко не подойдет к радиатору батареи.

Рассуждения в таком русле принесли некоторое облегчение – Назар понемногу начал успокаиваться, его маленькое тело, сжавшееся под одеялом, стало расслабляться.

...И еще Назар тихо радовался тому, что никто не заметил, как он «подпустил лимонаду», выражаясь словами отца Валерии – дедушки Николая. И для справедливости стоит добавить: последний раз это случилось уже очень-очень давно, ведь так? А сейчас – кто бы не испугался? И штаны намокли совсем немного, чуть-чуть. Да?

Думая об этом, Назар наконец перестал прислушиваться к шорохам в темной комнате и совершенно спокойно уснул.

* * *

Следующие пять дней прошли спокойно.

Семья заканчивала обустриваться на новом месте, привыкая к изменениям в домашней обстановке, месторасположению магазинов, расписанию транспорта и сотне других мелочей, из которых складывается повседневный быт. Жизнь возвращалась в привычную колею. Михаил Левшиц после четырехнедельного отпуска приступил к своим обязанностям в фирме, занимавшейся оптовой продажей медикаментов, где последние полгода он руководил отделом маркетинга, поднявшись за неполные пять лет по карьерной лестнице от рядового сотрудника. Валерия работала в той же фирме менеджером по закупкам, наводя мосты с производителями. «Ты покупаешь, я продаю. Так на кой черт нам еще кто-то нужен?» – с явным подтекстом шутил Левшиц дома.

Назар за эти дни успел познакомиться с несколькими ребятами из его двора, но пока что ни с кем близко не сошелся; подготовка к занятиям в школе, которые начинались через десять дней, отбирала львиную долю свободного времени – разумеется, по инициативе родителей, а не самого Назара. К тому же он сильно скучал по своим старым друзьям, хотя с некоторыми мог созваниваться почти ежедневно.

Назар сделал одно неожиданное и не очень радостное открытие: похоже, все его приятели отнеслись к его внезапному переезду гораздо менее болезненно,

чем он сам. В конце концов Назар пришел к выводу, что так происходит, наверное, потому, что, кроме его исчезновения, в их жизни не поменялось ничего, для него же – изменилось все.

В субботу 21 августа, как и планировалось, Михаил с Валерией устраивали небольшое застольное торжество по поводу новоселья. Были приглашены только двое коллег с женами, супружеская пара, с которой семья поддерживала отношения уже много лет, и, конечно, родители с обеих сторон. Еще трое или четверо приглашенных не смогли прийти, сославшись на уважительные причины; это никого не обидело, тем более они обещались прийти в другие выходные. Валерия целый день убирала в квартире, готовясь к приему гостей.

Гости начали сходиться после семи часов вечера; все с недорогими, но соответствующими случаю подарками, которые, откровенно говоря, не слишком-то отличались оригинальностью и даже повторялись с заметной курьезной тенденцией: пластмассовый набор мыльниц и крючки для полотенец, «ежик» для унитаза в комплекте с полочкой для туалетной бумаги, плетеный коврик для туалета в паре с «ежиком», снова набор мыльниц и... разумеется, еще один «еж».

«Это на тот случай, – тихонько подмигнул Валерии Михаил, – если мы решим открыть частный общественный сортир. Или у нас в семье вдруг начнется поголовная срачка», – на что та сперва прыснула, а потом несколько минут осторожно приглядывалась к гостям, пытаясь определить, не услышал ли кто замечание Левшица.

И наконец, настенные кварцевые часы в виде двух сердец – их подарили родители Валерии, и, пожалуй, это был единственный настоящий подарок. Хотя, конечно, застолье устраивалось не ради презентов, и все это понимали.

* * *

Когда гости начали рассаживаться за накрытым столом, оказалось – несмотря на то, что некоторые не смогли сегодня прийти, – одного места не хватает, точнее, одного стула.

– Ты не мог бы принести стул из своей комнаты? – посмотрела Валерия на Назара. – А то кому-то придется сидеть на коленях.

– Ну мама... – Он кисло скривился, демонстрируя, сколько неоправданных усилий требует исполнение ее просьбы.

Он уже залез за стол со стороны, приставленной к дивану, в дальний конец, где обычно любил занимать место, если его сажали со взрослыми. Как правило, эта диспозиция позволяла без помех смотреть телевизор. А с единственно удобной для прохода стороны уже сидели четверо человек: одна приглашенная пара и – ближе к нему – бабушка с дедушкой, родители Михаила.

– Под столом, – напомнила Валерия, раскладывая салфетки напротив каждого прибора. – Когда нужно самому, у тебя это отлично получается.

– Ничего, я схожу, – сказал Михаил, внося из кухни большое блюдо с салатом из свежих овощей. Валерия с укором зыркнула на него.

Назар тут же поспешил повернуться к телевизору. В этот момент какой-то сонный тип терпеливо объяснял герою Стивена Сигала, как именно он собирается оторвать тому яйца.

Михаил взял в детской стул, на котором Назар делал уроки или возился с чем-нибудь за письменным столом, и задержался на пороге. Комната ему нравилась. Когда-то в доме родителей у него тоже была своя комната, правда поменьше и до седьмого класса ее приходилось делить со старшим братом, пока тот не вырос и не уехал в другой город. В который раз он подумал, что им действительно повезло с этой квартирой.

Собираясь выйти, он бросил еще один взгляд на комнату, оценивая ее как бы в общем, – на днях Левшицу пришла мысль, что со временем здесь можно было бы установить в свободном углу шведскую стенку и турник для Назара. В его возрасте этого пока хватит, а там будет видно. Парень сложением (дай не только) удался в него—так пусть растет сильным.

Затем, поворачиваясь к двери, он задержал взгляд на кровати сына с немного примятым клетчатым покрывалом. И вдруг его пронзило чувство какого-то безысходного парализующего страха, даже ужаса, словно он превратился в

подростка, запертого в темной комнате (и почему-то именно в этой), а где-то совсем рядом – только протянуть руку – двигалось что-то неумолимое и косматое, издающее тяжелый острый запах, похожий на многократно усиленный душок мыши. И это не спеша, но уверенно приближалось...

Ощущение было настолько сильным, что Михаил едва не выронил стул, который продолжал держать на весу за спинку. За миг до падения он успел машинально подхватить стул другой рукой.

«Здесь что-то есть», – пронеслось у него в голове; взгляд Левшица вновь остановился на кровати Назара. В какой-то момент Михаилу захотелось под нее заглянуть. Но он удержался, уже понимая, что это глупо.

«На самом деле, – решил Левшиц, вытирая выступившую на лбу испарину, – на самом деле, это только результат первой послеотпускной недели плюс недавний переезд, я просто выбился из прежнего темпа жизни – вот единственная настоящая причина. Я взрослый стокилограммовый мужик, – напомнил он себе зачем-то, – а здесь ничего нет и не может быть!»

И вновь повернулся, намереваясь наконец выйти.

«А как же тот случай с Назаром, когда он вылетел отсюда, как из чулана, кишашего ядовитыми змеями, и едва не сшиб с ног всю твою сотню килограммов? А потом, очень вероятно, еще и врал...»

– Миша, ты скоро? Мы уже садимся! – долетел из гостиной призыв Валерии, далекой сирены из более светлого и спокойного мира.

– Иду!.. – Собственный голос показался ему непривычно глухим, как из погреба.

«Все это послеотпускной... как там... синдром».

Он вернулся к гостям.

* * *

Через час компания за столом слегка захмелела. Назару нравилось наблюдать за взрослыми, когда те не сильно пьянели, потому что тогда они становились смешными. Это был постепенный и вначале захватывающий процесс.

Когда фильм с Сигалом закончился и внимание Назара целиком переключилось к происходящему за столом, речь шла о богатых людях. Одна из самых излюбленных тем, которые обсуждаются другими – еще не достигшими настоящего благосостояния, но очень к тому стремящимися – людьми – чаще всего претенциозно-философским и несколько небрежным тоном.

– Кстати, вы знаете, сколько денег у самого богатого парня в мире? – сказал мужчина, сидевший на одном диване с Назаром. Из-за родителей Михаила Назар не мог его видеть, но, казалось, тот говорил с такой миной, будто это известно лишь ему одному и лично от того самого зажавшегося сукина сына. Или как минимум от его жены.

– Ну, сколько? – произнесли заинтересованные голоса.

– А кто это? – встрепенулась очень полная дама, сидевшая напротив дивана. Так, словно речь шла об их общих знакомых или соседях по улице. У дамы была очень короткая стрижка, совершенно не придающая ей шарма некоторых полных женщин, зато делающая похожей на свинью, внезапно открывшую, что в ее корыто попало меньше, чем остальным. – Кто?

Назар тихо хихикнул, но, поймав упреждающий взгляд Валерии, тут же угомонился.

– Билл Гейтс, основатель «Майкрософт», – сказал Михаил.

– Э-э... Не знаю сколько. – Толстуха, похоже, решила, что вопрос был адресован исключительно ей. – Ну не знаю!

– Тогда просто предположите. – Мужчина невольно сконцентрировал все свое внимание на даме. – Назовите цифру, хотя бы примерно.

– Я не... – Она обиженно обвела взглядом присутствующих. – Может... двадцать триллионов?

Гость, задававший вопрос, с досадой отмахнулся от нее – Назар увидел мелькнувшую руку.

– Нет? – растерянно пробормотала полная дама и неуверенно потянулась за салфеткой. – Так сколько же?

– Около ста миллиардов... – буркнул расстроенный гость.

– Сто миллиардов... – эхом отозвалась толстуха, но озвученная ее устами цифра казалась совершенно бессмысленной. – Вот как...

– Папа, а сто миллиардов – это много? – спросил Назар.

– Ну-у... вообще-то достаточно. Приблизительно... валовый оборот небольшого государства.

Назар понимающе кивнул:

– Значит, если бы у нас было столько, ты смог бы купить... ну, ту машину, что ты давно хочешь?

Взрослые за столом снисходительно рассмеялись, но Назара это не задело. Громче всех заухала полная дама.

– Да, сынок, и у нас бы еще немного осталось на бензин, – ответил Левшиц и тоже засмеялся, довольный собственной шуткой.

Затем разговор переключился на перемывание костей начальству по работе.

К половине десятого Назару стало до смерти скучно сидеть за столом и он решил отправиться к себе в комнату. К тому же полный комплект бабушек и дедушек начинал все более активные поползновения, чтобы вот-вот перейти к своему обычному соперничеству, пытаясь завладеть вниманием внука, – как это всегда происходило, когда они собирались вместе. Отчего Назару еще сильнее захотелось где-нибудь от них укрыться – вырваться из цепких объятий этого ожившего четырехглавого дракона.

К счастью, теперь он мог спрятаться в надежном убежище. Назар стал тихо соскальзывать с дивана вниз, чтобы пробраться под столом, и надеялся, что успеет оказаться достаточно далеко, прежде чем одна из «голов» спохватится.

– Ты куда? – удивился Виктор Левшиц, еще заметно крепкий моложавый мужчина пятидесяти трех лет; и сын, и внук унаследовали свою внешность главным образом от него.

– Я... – замер Назар на полпути под стол. – Я к себе, а что?

– Да? Так, может, покажешь свою комнату?

– Действительно, покажи нам ее, – дружно подхватили остальные головы «дракона», словно ими управлял один кукловод.

Назар был уверен, что все четверо уже давно до мельчайших подробностей успели осмотреть его комнату – поочередно, попарно и вместе. Дело сейчас заключалось совсем в другом: привлечь его внимание именно к себе. Назар, конечно, мог и ошибаться, но интуитивно ощущал, что прав, и это его раздражало.

Он умоляюще посмотрел на отца, и тот (демонстрируя чудеса проницательности, которая, скажем честно, не относилась к его сильным качествам в повседневной жизни) моментально разобрался в ситуации.

– Назар, тебе пора отправляться в постель, – это было произнесено суровым внушительным тоном – ничем, в сущности, не заслуженным, – но они отлично поняли друг друга.

– Иду, па. – Все четыре головы «дракона» невольно просияли, увидев самого совершенного ребенка в мире.

– А если всего на минутку... – начала было мать Валерии, но тут же осеклась, потому что Назар глянул на нее так, словно собирался сказать: «Я был бы просто счастлив, если бы вы нашли себе кого-нибудь другого, чтобы разорвать на части и сожрать с кетчупом!»

Озадаченно попятившись, «дракон» распался. Назар пожелал всем спокойной ночи и отправился в ванную чистить зубы.

* * *

Несколько раз ему удавалось задремать, но голоса уже не шибко трезвых гостей, проникавшие из соседней комнаты, вновь будили его.

В конце концов Назар стал просто лежать с открытыми глазами и смотреть в темноту, туда, где находился невидимый потолок. Он вдруг подумал, что зря сегодня разозлился на своих бабушек и дедушек, потому что на самом деле они очень хорошие, любят его и не считают плохим. Только иногда не могут разобраться между собой. И если бы у него стало б много денег – например, как у того «самого богатого парня в мире», – то он накзшил бы каждому из них много-много замечательных подарков...

Глаза Назара незаметно закрылись, как это происходит, если думать в темноте.

– Сто миллиардов... – промолвил он вслух и через шесть секунд отключился.

Глава 3

Пыль из-под кровати

Открыв глаза, Назар понял, что гости давно разошлись и уже глубокая ночь. Он проснулся, но не от шума. Стояла характерная для этого времени суток тишина. У Назара была хорошо развита способность чувствовать время. Иногда, вставая ночью в туалет, полусонный, он угадывал его с точностью до плюс-минус нескольких минут – что неоднократно было проверено им лично.

Сейчас он предположил (прочувствовал), что стрелки часов (он всегда представлял стрелки неких часов внутри своей головы, тикающих независимо от

его контроля) находятся где-то в районе четверти третьего, – и ошибся лишь на девять минут, потому что в действительности было два часа двадцать четыре минуты.

Назар подумал о том, что же в таком случае, если не шум, могло его разбудить, поскольку в туалет ему тоже не хотелось. Это было странное ощущение: его органы чувств еще только приходили в бодрствующее состояние, а голова уже соображала четко и осмысленно, будто он и не засыпал вовсе. Кроме того, Назар был абсолютно уверен, что ему не приснилось что-нибудь плохое; в эту ночь ему вообще ничего не успело еще присниться. Может, это был случайный шум – у соседей или на улице? Однако Назар не мог припомнить, чтобы когда-то просыпался в столь позднее время из-за посторонних звуков, он спал очень крепко. Даже в прошлом году, когда кто-то ночью запустил камнем в окно на кухне, он узнал об этом только утром. Но сейчас...

Что это?

Теперь, когда у него в полной мере пробудилось обоняние – поупрямившись, оно наконец заработало последним из пяти основных чувств, – Назар уловил запах.

...Запах пыли и еще чего-то, вызывающего панический безотчетный страх. Назар будто окаменел под одеялом.

Потому что сразу же узнал этот запах.

Вот почему он проснулся.

Значит, чудовище вовсе не собиралось оставить его в покое и... – от мгновенного понимания Назар боялся нечаянно пошевелить онемевшими пальцами ног, словно любое малейшее его движение было способно вырастить его ужас до размеров вселенной, – и оно лишь терпеливо выжидало все эти дни подходящего момента. Выходит, случай с фильмоскопом оказался только началом. И то, что он видел тогда на стене, находилось сейчас где-то рядом...

«А если оно не просто где-то рядом, а, скажем, прямо под твоей кроватью?» – произнес кто-то в голове Назара.

Он изо всех сил вслушивался в ночную тишину комнаты, пытаясь уловить любой подозрительный шорох, звук, движение... В особенности из-под кровати. Ведь если монстр прятался именно там, то сейчас их разделяли всего лишь тонкий кусок листовой фанеры и матрас с простынею.

А может, предположил Назар, стараясь думать спокойнее и как-то прагматичнее (по-взрослому?), может, все это просто ерунда, и причина совсем иная? Просто глупые страхи, просто темнота.

«Да? – скептически возразил тот же голос в голове Назара. – Твои папа с мамой, как бы это сказать, немного выпили сегодня вечером, совсем немного, если судить по некоторым из гостей, конечно. Но и того может вполне хватить, чтобы они тебя не услышали, если ты станешь их звать. Или услышали слишком поздно, чтобы успеть к тебе на помощь. Разве, по-твоему, он об этом не догадывается? Поэтому...»

Назар заставил голос заткнуться, но не мог отрицать присутствия резкого запаха пыли в комнате. А также еще одну очевидную вещь: запах становился сильнее с каждой минутой.

Ему болезненно хотелось повернуть голову назад, чтобы увидеть то место, где пять дней назад ожило изображение Того, Кто Стучит По Трубам. Но для этого нужно было приподняться и почти целиком развернуться, чего Назар не решался сделать. И кроме того, было слишком темно, он все равно ничего не сможет рассмотреть.

А может, в том-то и было дело – что он МОГ увидеть.

Вскоре от сильного напряжения у Назара затекло все тело, особенно ноги. Ниже колен их, казалось, вот-вот начнет сводить судорогой. Но Назар мгновенно позабыл о боли, вдруг услышав тесную возню и сухое громкое сопение. Прямо под собой.

Под кроватью.

И закричал.

Его действительно не слышали.

Скорее всего, потому, что Назару только казалось, будто он вопит громче иерихонской трубы, а на самом деле этот крик звучал лишь в его сознании. Воздух из легких свободно выходил наружу, не приводя в действие парализованные ужасом голосовые связки.

Однако, видимо, ему таки удалось издать какие-то звуки, потому что в комнате родителей произошло наконец движение. Первым проснулся отец и, вскакивая с постели, будил на ходу Валерию.

Все это закрутилось в тот момент, когда Назар уже видел размытые темнотой очертания кого-то большого, неповоротливо протискивающегося под кроватью.

То немногое, что удалось разглядеть, произошло благодаря скудно сочившемуся в узкую щель между портьерами свету далекого уличного фонаря.

Сперва это было похоже на огромную косматую лапу с широко растопыренными когтистыми пальцами. Потом Назару стало ясно, что так оно и есть. Лапа вытянулась вперед, слепо пошарила в воздухе в поисках опоры и ухватилась за выступ кровати, скомкав край одеяла всего в считанных сантиметрах от перекошенного лица Назара. Он невольно подался к стене, продолжая кричать, и беспомощно следил, как чудовище натужно сипит и подтягивается вперед.

Сильный толчок потряс кровать, когда монстр ухватился за ножку у изголовья, помогая себе другой лапой. Запах пыли стал таким резким, что Назару казалось, будто вся комната кишит грызунами, а ему в нос набиваются тугие серые комья.

Когда чудовище вылезло наполовину (это Назар осознал скорее интуитивно), часть разума, все время пребывавшая в роли стороннего наблюдателя, с математической холодностью прикидывала, сумеет ли бука протиснуться между низом кровати и полом целиком и сколько пройдет времени.

Вскоре этот сторонний наблюдатель пришел к справедливому, но неутешительному выводу, что дела плохи. Чудище уже пыталось повернуться к Назару. По рыхлому сипению монстра он сообразил, что до сих пор бабай находился к нему спиной.

И вот тогда его наконец услышали в комнате родителей. Отец.

Дверь детской резко распахнулась, гулко ударившись о плинтус, в люстре загорелся свет – на пороге в одних трусах стоял Михаил Левшиц, толком еще не проснувшийся, удивленно моргающий глазами. И успел вовремя. Через несколько секунд за его спиной возникла Валерия. Честно сказать, выглядела она еще хуже.

– Что случилось?

Это было произнесено обоими родителями одновременно, но прозвучало совершенно по-разному: у Михаила – сдержанно и почти что буднично, а у Валерии – так, словно она находилась на грани паники. Затем, спохватившись, она бросила мимолетный взгляд вниз, убеждаясь, что не влетела в комнату сына в одних трусиках, и было заметно, какое облегчение испытала, когда обнаружила, что одета в ночную рубашку. При других обстоятельствах этот эпизод мог бы показаться Назару забавным, но сейчас он будто выходил из транса и только безмолвно переводил испуганный взгляд с отца на мать и обратно, еще не уверовав окончательно, что их появление ему не пригрезилось.

– Сынок... – Левшиц первым сделал осторожный шаг к его кровати (выглядело это именно так – осторожно). – Мне показалось... ты кричал?

Назар по-прежнему молча кивнул, боясь, что вот-вот расплечется.

Валерия вдруг засуетилась и, почти оббежав мужа, присела к Назару на край кровати, точь-в-точь на то самое место, где совсем недавно комкала уголок одеяла когтистая лапа чудовища. Михаил остался стоять в прежней позе и несколько растерянно смотрел на сына.

– Ну все, все... – Валерия привлекла Назара к себе. – Господи, какой же ты весь мокрый! И горячий...

Он понял, что больше не может сдержать слез, попытался вывернуться из ее объятий, но ничего не вышло.

– Уже все хорошо. – Назар сердито размазал влагу по щекам.

– Плохой сон, – сказал Левшиц. – Иногда случается.

– Я проснулся... – начал было Назар, но умолк.

Для них это было просто «плохим сном». Если он начнет болтать про монстра... Он испытал огромный прилив отчаяния и бессилия – потому что не может обратиться за помощью к двум самым дорогим и близким людям на свете. Это было слишком жестоко.

– И тебе, конечно, показалось, что тут находится кто-то чужой, – понимающе закончила за Назара Валерия. – Я знаю, в твоём возрасте мне тоже иногда представлялось... – Она старательно подбирала слова. – Ничего, это пройдет. Тебе уже лучше?

Назар кивнул. Она даже не представляла насколько.

– Я думаю, он совсем успокоился бы, если бы ты его наконец отпустила, – заметил Левшиц.

Валерия неодобрительно глянула на него, но перестала обнимать Назара, который сразу же залез под одеяло.

– А чем это здесь так несет? – повернулась Валерия к мужу. – И душно, будто...

– Да, похоже, не мешало бы проветрить, – согласился Михаил, принохиваясь. – Может, пыли налетело через форточку?

– Но откуда столько-то? – с легким конфузом хмыкнула Валерия, направляясь к окну, чтобы распахнуть форточку. – Я только сегодня здесь все вылизывала. Черт знает что! А ну-ка... – Она нагнулась, чтобы заглянуть под кровать.

Назара подбросило, он метнулся в сторону матери... но было поздно – Валерия достигла своей цели и уже изучала подкроватное пространство на предмет наличия пыли в позе экзальтированной молельщицы.

– Ты чего? – недоуменно глянул на сына Левшиц.

Назар смутился и вернулся на место.

– Так... ничего особенного.

– Ну разумеется. Так я и думала, – констатировала совершенно спокойно Валерия, – Это же надо! Ума не приложу, откуда ее столько взялось. Придется завтра снова убирать.

Назару вдруг подумалось: что, если недавний кошмар действительно был лишь плохим сном? Точнее, ему очень хотелось поверить в это. И на долю секунды почти удалось. Вот только...

– Хочешь, мы немного побудем с тобой? – предложила Валерия.

– Действительно, хорошая мысль, – поддержал ее Михаил. Выглядел он уже не таким помятым, как несколько минут назад. Назару, правда, этот отрезок времени показался несколькими часами; просто не верилось, что между моментом, когда монстр вот-вот готов был выбраться из-под кровати, и этими словами не вместились бы даже блок телевизионной рекламы. – Может, так и сделаем? А? – Левшиц-старший с каким-то сложным, не типичным для него выражением лица разглядывал детскую.

Назару очень хотелось сказать «да», и поэтому он поступил так, как поступает большинство мальчишек его возраста, – ответил «нет».

Твердо, но самую малость запальчиво.

– А вообще, – одобрительно подмигнул ему Михаил, когда они с Валерией выходили из комнаты, – молодец, я тобой горжусь.

Но настольная лампа осталась гореть.

Так, на всякий случай.

Спустя десять минут Михаил Левшиц осторожно коснулся плеча уже задремавшей жены:

– Лера, я вдруг подумал...

– Что? – сонно отозвалась та с явным недовольством в голосе.

Левшиц даже приподнялся на локте.

– А если... в той комнате действительно что-то есть?

– Где? В детской?

– Угу.

– Ну разумеется. Наш... Что ты имеешь в виду? О господи! Спи.

Левшиц медленно опустился на подушку и, повернувшись спиной к жене, начал внимательно вслушиваться в ночную тишину. Из детской больше не доносилось ни звука.

Пробормотав себе что-то под нос, он уснул.

Взрослым не свойственна иррациональная вера в сверхъестественное, с годами они склонны забывать собственные страхи из путешествий по Ночному Государству. Лишь изредка, в особые минуты – в жестокуто бессонницу или в темном коридоре по пути в уборную, – накатит что-то, зашевелится в глубине памяти, как давно забытый мешок в углу подвала, когда вдруг возникает необоримое желание оглянуться...

В своей реальной жизни взрослые боятся совершенно иных вещей: провалов в карьере, инфляции, неизлечимой болезни, рухнувших планов, роста цен, чужого успеха...

И даже не подозревают (а попросту – не помнят), что после их ухода из детской спальни, где остается в одиночестве ребенок, все внезапно изменяется. Стены комнаты превращаются в незримую границу, которая заключает внутри себя неизвестную, запредельную страну, где в любое мгновение может случиться

все, что угодно. И даже отголоски внешнего мира не в силах разрушить причудливое существование этого обманчиво хрупкого государства.

По углам, сгущаясь, собираются зыбкие тени. Мебель вдруг меняет привычные очертания. Беззвучно на спинке стула шевелится снятая одежда, превращаясь в молчаливого наблюдателя. То тут, то там оживают подозрительные шорохи, кто-то осторожно движется за шторой или тихо дышит под кроватью в бесконечном ожидании свесившейся руки...

Государство, из которого не возвращаются случайно попавшие в него взрослые.

Назар долгое время лежал с открытыми глазами, хотя включенная настольная лампа вселяла надежду на безопасность. Но одно дело – жуткий сон и совсем другое – ощутить наяву тяжелое прикосновение монстра к твоей постели.

Впрочем, что-то Назару подсказывало – этой ночью ему уже ничего не угрожает. Этой ночью.

В конце концов он закрыл глаза.

...И еще. Один момент никак не желал укладываться рядом с другими событиями. После того как косматая тварь убралась обратно под кровать, но еще до того, как примчались родители, Назару почудилось, что откуда-то снизу – но он был уверен, не из соседней квартиры – странное эхо принесло далекий-далекий плач маленькой девочки...

Глава 4

Изолятор

Утром Назар проснулся с высокой температурой.

– Все ясно, – сказала Валерия, стряхивая градусник и хмурясь. – Поздравляю!

Хотя самочувствие у Назара было еще тем – он охрип, нос будто заложило мокрой ватой, раскалывалась голова, – посмотрев на мать, он захихикал.

– Очень смешно. – Валерия мрачно вздохнула, спрятала градусник в футляр и расшторила окно детской.

Было около десяти. Судя по дообеденной погоде, день обещал выдаться жарким и сухим, по крайней мере до вечера. С улицы долетали голоса играющих детей, где-то радостно гавкала собака, кто-то истошно звал маму, этажом выше ссорилась молодая пара, в чей диалог бэк-вокалом встревал возбужденный Рикки Мартин...

Короче, нормальное воскресное утро.

– Привет! – возник в дверном проеме Михаил. Он поднялся позже Валерии и заглянул, направляясь в ванную. – Как спалось?

Назар, чтобы лишний раз не напрягать саднящее горло, вскинул руку в жесте: мол, нормально.

– Что-то по тебе не скажешь, парень, – усомнился Левшиц. – Глаза как у нашего шефа опосля запою... Опять снилось?

– Он заболел, – сообщила Валерия, нервно постукивая пластиковым футляром термометра по выглядывающей между полами халата коленке.

Левшиц глянул на жену, затем на сына:

– Ну-у, тоже мне. В этот раз крупный недобор – еще целых десять дней каникул. Вот уж!.. – Он сокрушенно всплеснул руками, намекая на бесспорный талант Назара удлинять себе каникулы, болевая в первый же день занятий.

Вообще-то Назар болел не слишком часто для ребенка его возраста, но зато, как шутили в семье, по-снайперски. В прошлом учебном году «попасть в десятку» ему удалось дважды: осенью и зимой. Весной была «девятка» – в первый день он все-таки успел отметиться в школе.

- Похоже, начинаешь терять квалификацию. Промях в полторы недели – это дилетантство. – Левшиц укоризненно покачал головой. – А мы-то с мамой так тобой гордились!

Назар засмеялся.

Валерия, никак не отреагировав на веселость мужа, опять мрачно вздохнула:

- Ну что ж... Придется брать больничный. Мне, конечно.

- Логично, – согласился Левшиц. – А сколько набежало? – это уже Назару.

- Тридцать восемь и девять! – с гордостью сообщил тот.

Невзирая на события минувшей ночи и недуг, настроение у него было до странности отличным. Во всяком случае, прямо с утра.

- О-го! – изумился Михаил. – Не мо...

- Тридцать восемь и два, – сказала правду Валерия, подымаясь с кровати чем-то страшно довольного Назара. – Нужно бы вызвать врача, но сегодня ведь воскресенье. Ох, как все это некстати...

- А когда это бывает кстати? – посерьезнев, резонно заметил Левшиц. – Тем более летняя простуда.

- Боюсь, у него ангина... У нас закончилось жаропонижающее. Сходишь в аптеку?

- Это ж надо! Толкаю пилюли чуть ли не вагонами, а в собственном доме даже нет аспирина, – покачал головой Левшиц. – Схожу, конечно. Только за таблетками, или что-нибудь еще?

- Естественно. – Валерия улыбнулась впервые за утро. – У нас закончился сахар, спагетти, молоко...

– Ладно, я понял, – спешно закивал Михаил, пока Валерия не добралась до двузначных чисел.

– ...и сосиски.

– И мороженого! – вякнул Назар.

– И ремня, – сказала Валерия. – Шнель! – Она вытолкала из комнаты Левшица-старшего. – Я хочу, чтобы он быстрее принял аспирин, – а сама отправилась на кухню готовить легкий завтрак и чай с малиной для Назара.

Возвращаясь домой с пакетом из гастронома в руке и двумя упаковками шипучего аспирина в кармане, Михаил Левшиц размышлял над ночным кошмаром сына.

Ведь был еще его вчерашний визит в детскую, вечером, когда ему показалось... В комнате Назара у него возникли те гнусные ощущения, которые он списал на перемену обстановки, послеотпускной синдром и прочее. А еще тот странный случай шесть дней назад сразу после переезда, когда Назара буквально пулей вымело в коридор и он был чем-то сильно напуган.

Сейчас эти воспоминания породили в Михаиле даже не тревогу, а какой-то до нелепости глубинный трепет. Словно... Нечто подобное ощущает человек, впервые идущий узнать свое будущее у гадалки, но не верящий во все эти штучки-дрючки. Это-то и было занятнее всего.

Но комната Назара действительно внезапно перестала ему нравиться.

Возможно, дело в радиации? А ведь – черт возьми! – в стране, где после взрыва атомной электростанции всяким предприимчивым недоумкам позволяется растаскивать во все стороны запчасти с грузовиков, совершивших односторонний рейс с командой смертников в агонизирующий Чернобыль, такое было еще как ВОЗМОЖНО!

Он отлично запомнил телерепортаж о десятилетнем мальчишке, за два месяца попросту увядшем без видимых причин и в конце концов, находясь в тысяче

километров от места катастрофы, скончавшемся... от лучевой болезни! Потому что при изготовлении бетонного блока стены, возле которой стояла его кровать, среди арматуры застряла одна из таких вот железяк...

Левшиц даже сбился с шага.

Семья того ребенка тоже едва успела переехать на новое место, и Назар так внезапно заболел... И еще в самом начале ему показалось – нет, он был абсолютно уверен, – что детская находилась в той комнате и раньше, хотя у прежних жильцов детей вроде бы не было, а они, судя по бумагам, оставались единственными хозяевами с момента постройки дома.

Спокойно! – осадил он себя тут же. Во-первых, их нынешний дом построен в начале семидесятых, когда в мире было гораздо больше хорошего и значительно меньше дерьма и подобные штуки еще знали свое место. Болезнь Назара? Это куда сильнее напоминало самую обычную простуду, грипп или, как полагала Валерия, ангину, чем лучевую болезнь, отравление радионуклидами и тому подобное. А что касалось бывших хозяев квартиры, они запросто могли отправить детей к кому-нибудь из родственников на время каникул, и вообще – это не его дело.

Однако сразу возникла другая версия – повышенная токсичность. Что, если при последнем ремонте в комнате использовались непригодные для жилья материалы? Например, какая-нибудь краска, содержащая вещества, способные вызывать негативные психические реакции.

Но как тогда быть с Валерией? Если бы у нее возникли проблемы подобного рода, она обязательно с ним поделилась бы, вот в чем дело. Или, может, данные токсины как-то иначе воздействуют на женский организм? – они с Назаром это чувствуют, а она нет. Вчера он попытался завести с ней разговор о комнате сына... Должно быть, выглядел последним идиотом.

Левшиц вдруг обнаружил, что стоит перед стеклянным ларьком и с интересом разглядывает выставленные на витрине ряды пачек сигарет.

Ужасно хотелось закурить.

Он бросил шесть лет тому назад по настоянию и при самоотверженной поддержке Валерии, которая за всю жизнь не выкурила ни единой сигареты, но, казалось, бросала тогда вместе с ним. А теперь он стоял перед красочными рядами зелья, испытывая такую тягу, словно выбросил последнюю сигарету шесть часов назад.

Пока он заторможенно колебался, стоит ли начинать все сначала, вперед протиснулся тип без возраста в затасканном до дыр спортивном костюме. От типа даже со спины убойно разило махровым перегаром, мочой и тухлой рыбой. «Повелитель пробок», – как называл про себя Левшиц алкоголиков. Тот оперся острым плечом о ларек и сунулся в окошко.

– Тебе чего? – брезгливо бросил продавец. – Здесь только штучный товар. Наливают через дорогу.

Алкаш прохрипел нечто замысловатое, недоступное пониманию простых смертных, и вопросительно замер. Его даже перестало шатать, будто он ступил с палубы неустойчивого судна на твердый берег.

Ларечник замахал руками и проскандировал:

– Моя по-чукотски не понимать! Наливать через дорога!

Дабы наконец прояснить ситуацию, алкаш полез себе за пазуху и извлек наружу завернутый в грязную тряпицу аудиоплеер.

– Хиляй отсюда, – беззлобно отмахнулся ларечник.

Тот разочарованно запихал сверток обратно, заинтересованно было глянул на Левшица, но молча отчалил через дорогу, определив наметанным глазом, что Михаил Левшиц уже утерян для паствы.

Проводив алкаша взглядом, Михаил подумал, что умник, пустивший в ход фразу, будто истина ведома лишь сумасшедшим и алкоголикам, либо ни разу в жизни не встретил настоящего повелителя пробок, либо попросту был дураком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/levandovskiy_boris/babay

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)